

ВВЕДЕНИЕ

Александр Сергеевич Пушкин (1799 – 1837) занимает особо почетное место в истории русской литературы и – шире – русской культуры как ее центральное имя. Это определило и особое положение имени Пушкина в русском национальном сознании. Комментируя известное определение Ап. Григорьева: «Пушкин – наше все»³, выдающийся ученый-филолог Г.О. Винокур заметил: «В этой крылатой фразе нашла себе выражение та истина, что чувство любви и близости к Пушкину для русского человека неотделимо от его национального сознания». Ср. суждение другого выдающегося ученого Л.Я. Гинзбург: «Любовь к Пушкину (непонятная для иностранцев) – верный признак человека русской культуры. Любого другого русского писателя можно любить или не любить – это дело вкуса. Но Пушкин как явление для нас обязателен. Пушкин – стержень русской культуры, который держит все предыдущее и все последующее. Выньте стержень – связи распадутся». Еще Ф.М. Достоевский заостренно выразил мысль о значении Пушкина в краткой афористической формуле: «Без понимания Пушкина нельзя и русским быть». Или, как заметил выдающийся русский мыслитель начала XX века В.В. Розанов: «Пушкин есть мера русского ума и души: мы не Пушкина измеряем русским сердцем, а русское сердце измеряем Пушкиным».

Подобные суждения можно было бы бесконечно умножить. Причин для такого ощущения Пушкина много, но главная из них – то место, которое занял он в русской культуре как, с одной стороны, завершитель предшествующего периода, а с другой, – откры-

ватель новых путей. Придя в мир на рубеже XVIII и XIX веков, Пушкин как бы связал оба этих столетия, определив направление русского культурного развития надолго вперед. В свое время была популярна расхожая формула – «Пушкин – родоначальник русской литературы»; она обобщила представления, сложившиеся в русском культурном сознании еще XIX столетия. Пушкин сплотил воедино то, что было в русской литературе до и после него, и это определило то место, которое заняло представление о нем в системе знаний о русской культуре, прежде всего, конечно, в науке о литературе. По точному определению Г.О. Винокура, «Пушкин – одна из самых актуальных проблем русской филологии как совокупности дисциплин, имеющих общей задачей посредством критики и интерпретации текстов раскрытие русского духа в его словесном выражении. Без филологического изучения Пушкина <...> невозможен дальнейший прогресс в познании Пушкина как русского великого поэта и лучшего представителя русского национального самосознания».

Отсюда – особая роль пушкиноведения (или – как его чаще обозначают в наше время – пушкинистики, хотя я предпочитаю первое определение), которую оно обычно удерживало в системе русского литературоведения и в русистике вообще. Пушкиноведение всегда исходило из того, что изучение Пушкина – комплексная проблема, охватывающая многие явления русской литературы. Еще В.Г. Белинский заметил: «писать о Пушкине – значит писать о целой русской литературе, ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовав-

ших за ним писателей»⁴. Из понимания этого обстоятельства исходили многие русские писатели XIX и XX веков, размышлявшие об исторической роли Пушкина. «В Пушкине, — писал, например И.А. Гончаров, — кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках». Ср. мнение выдающегося писателя русского Зарубежья М.А. Алданова о Пушкине: «Его бессмертие не только в том, что написал он сам, но и в том, что «вслед» ему написали другие: не в одних его стихах, но и во всем лучшем, что есть в русской поэзии; не в одной «Капитанской дочке», но, в какой-то степени, и в «Войне и мире»».

Белинскому принадлежит также и глубокая мысль (в статье «Русская литература в 1841 году») о неисчерпаемости пушкинского наследия: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего»⁵.

И тем сложнее задачи, которые стояли и продолжают стоять перед наукой о Пушкине. Проследим вкратце основные вехи понимания и изучения пушкинского наследия, завершив этот обзор оценкой современного состояния пушкиноведения и определением обозримых задач его на нынешнем этапе развития. Но вопрос о пушкиноведении — это прежде всего вопрос об изучении Пушкина, всегда, однако, идущем об руку с другим процессом, который определяют как понимание Пушкина⁶. В него включены не столько профессиональные пушкинисты-филологи, сколько широкие круги общественности, и не только литературной (писатели, философы, деятели искусств, даже рядовые читатели). Для размежевания обоих явлений может как раз пригодиться слово «пушкинистика» как обозначение понятия более широкого, чем «пушкиноведение», связанное с изучением жизни и творчества Пушкина. И то и другое — понятия взаимосвязанные (пушкиноведение входит составной частью в пушкинистику в моем понимании этого слова), и о них можно говорить как о едином процессе освоения пушкинского наследия.

Оба они — и понимание, и изучение Пушкина — восходят к прижизненной и бли-

жайшей посмертной критике произведений Пушкина⁷. Не случайно уже в самом начале я упомянул имя Белинского. Именно он подвел первые итоги критического освоения творчества Пушкина и одновременно открыл традицию историко-литературного его изучения. В своей оценке творчества Пушкина Белинский опирался во многом на прижизненную критику произведений поэта (к которой, кстати, относятся и его ранние суждения о Пушкине). Последняя, конечно, неравноценна по содержанию и значению, но в ней выделяются и некоторые очевидные вершины. Во-первых, это статья молодого тогда критика И.В. Киреевского (1806-1856) «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828), впервые рассмотревшего его творчество в историко-литературной перспективе. Киреевский предложил свою периодизацию творчества Пушкина, основанную на мысли о движении поэта от опоры на западноевропейские литературные традиции к самобытному, национальному пути. Периоды творческого развития Пушкина, по Киреевскому — это: 1) «период школы итальянско-французской»; 2) «отголосок лиры Байрона»; 3) «период поэзии русско-пушкинской»⁸. И в двух обзорных статьях Киреевского («Обозрение русской словесности 1829 года» и «Обозрение русской литературы за 1831 год») немало внимания уделено Пушкину, дается пронизательная и сочувственная оценка вновь появившихся произведений поэта («Полтава» и «Борис Годунов»)⁹, вызвавших, кстати, неоднозначную и в целом скорее негативную оценку современной критики. Пушкин с интересом следил за статьями Киреевского, особенно выделив его обозрение словесности 1829 года, которое он подробно отреферировал в статье «Денница» (название альманаха, опубликовавшего статью Киреевского). Здесь, в частности, основываясь на суждении молодого критика о нем, как о поэте, творческое развитие которого совпало с общим для русской литературы начала XIX века «стремлением к лучшей действительности»¹⁰, Пушкин лапидарно определил себя «поэт действительности» (VII, 73), солидаризируясь, таким образом, с направлением мысли вызвавшей его ободрения статьи: «там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое «Обозрение словесности», — заключал Пушкин свою статью, — там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко» (VII, 83).

Другим крупнейшим достижением прижизненной критики творчества Пушкина явилась статья Н.В. Гоголя «Несколько слов о Пушкине», опубликованная в первой части сборника «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя» (СПб., 1835). Гоголь, в частности, высоко оценил направление творчества зрелого Пушкина, прозорливо увидев в его произведениях 1830-х годов вершину творческого развития великого поэта. «При имени Пушкина, — начинает Гоголь свою статью, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская...»¹¹. Во многом от взглядов Гоголя на Пушкина отправлялся Белинский, сочувственно приведя в пятой статье своего пушкинского цикла «довольно большую выписку из статьи Гоголя», а на самом деле процитировал, большую ее часть¹². Не случайно с отсылки к этой статье Гоголя начинается знаменитая пушкинскую речь 1880 года и Достоевский¹³.

Статьи Белинского о Пушкине сохраняют все свое значение как первое столь обширное суждение о Пушкине в истории русской критики. Конечно, не все в них сегодня приемлемо. Крупнейший русский ученый-пушкинист XX века Б.В. Томашевский о статьях Белинского справедливо заметил: «Голос борца за новое направление иногда заглушал голос историка»¹⁴, и тем не менее именно Белинский надолго, в какой-то мере и до наших дней, определил восприятие творчества Пушкина, тем более что зародившееся вскоре профессиональное пушкиноведение поначалу пошло другим путем: биография и издание (П.В. Анненков), собирание и обобщение биографических материалов (П.И. Бартенева).

Имена Анненкова и Бартенева стоят у

истоков научного пушкиноведения, начало которого приходится на середину 1850-х годов. Точкой отсчета оказывается появление в 1855 году основных томов осуществленного Анненковым первого научного издания сочинений Пушкина (Пушкин. Соч. Изд. П.В. Анненковым. СПб., 1855. Т. 1 – 6). Первый его том составляли написанные издателем «Материалы для биографии Пушкина»¹⁵. Биографическая книга Анненкова стала крупнейшей вехой в освоении жизни и творчества Пушкина в XIX веке. Правда, еще в 1854 году подобное издание предпринял было П.И. Бартенева; в газете «Московские ведомости» он напечатал начало своего труда «А.С. Пушкин. Материалы для его биографии», доведя изложение до 1820 года. Появление «Материалов...» Анненкова побудило Бартенева, скрепя сердце, отказаться от продолжения своего труда. Правда, позднее, в 1861 году он опубликовал небольшую книгу «Пушкин в южной России. 1820 – 1823» с подзаголовком «Материалы для его биографии, собираемые П. Бартенева»¹⁶.

На анненковское издание сочинений Пушкина откликнулись, с одной стороны, Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов (статья последнего «А.С. Пушкин» явилась рецензией на 7-й, дополнительный том издания Анненкова, вышедший в 1857 году), а с другой — их антипод, представитель, как и Анненков, так называемой «эстетической» критики А.В. Дружинин¹⁷. Они продолжили традицию Белинского, чей цикл статей о Пушкине 1843 – 1846 годов был вызван выходом так называемого «посмертного» издания сочинений Пушкина включившего как напечатанные при жизни поэта произведения (первые восемь томов, 1838), а также новые тексты, извлеченные из пушкинских рукописей (три дополнительных тома, 1841).

На первом своем этапе (после работ Анненкова и Бартенева) пушкиноведение сосредоточилось в основном на разработке биографии поэта, причем преимущественно на частных ее аспектах, а также на уточнении библиографических данных, установлении, нередко произвольном, адресатов пушкинской лирики и т.п. Все это свидетельствовало об утрате живого интереса к Пушкину, который был еще свойственен Белинскому и первым пушкинистам. Противники, главным образом из демократического лагеря, иронически определили новое направление как «библиогра-

фическое» и часто остроумно высмеивали его (с критикой пушкинистов-«библиографов» выступил и пионер профессионального пушкиноведения П.В. Анненков).

Вернемся к статьям Чернышевского и Добролюбова. Оба критика, особенно Чернышевский, исходили во многом из пушкинского цикла Белинского, высоко ими оцененного, но развивали и наиболее спорные стороны концепции своего великого предшественника. Пушкин, — утверждал Белинский, — «был преимущественно поэт, и больше ничем не мог быть по своей натуре»¹⁸. Правда, и Чернышевский, и Добролюбов говорили о Пушкине уважительно, указывали на его несомненное значение в развитии русской литературы. По словам Чернышевского, Пушкин «был первым поэтом, который стал в глазах русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель»¹⁹. Но вместе с тем оба критика утверждали, будто Пушкин был по преимуществу «поэтом формы». Пушкин, — писал Чернышевский, — «не был поэтом какого-либо определенного воззрения на жизнь <...> не был даже поэтом мысли вообще»²⁰. Такой ограниченный взгляд на значение Пушкина заставил Чернышевского, вопреки мнению Белинского, усомниться в непреходящем значении творчества великого русского поэта. В рукописи конца второй статьи о Пушкине критик заостренно выразил эту мысль: «Прийдут времена, когда его произведения останутся только памятниками эпохи, в которую он жил, но когда приидет это время — мы еще не знаем...».

До абсурда довел подобное представление Д.И. Писарев в цикле из двух статей «Пушкин и Белинский» (1865), вообще отказав Пушкину в каком-либо значении: «в так называемом великом поэте, — писал он, — я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века»²².

На статьи Писарева откликнулся резкой эпиграммой поэт-сатирик Д.Д. Минаев («Пушкину, после вторичной его смерти», 1865):

Гоним карающим Зевесом,
Двойную смерть он испытал:
Явился Писарев Дантесом
И вновь поэта расстрелял.

Позднее Д.С. Мережковский с осуждением говорил о «грубо утилитарной точке зрения Писарева, в которой чувствуется смелость и раздражение дикаря перед созданиями непонятной ему культуры...»

Статьи Писарева представляли собой реакцию на измельчание традиции осмысления Пушкина и в значительной мере были вызваны полемикой с представителями так называемого «чистого искусства» («искусства для искусства»), которые возводили свои традиции к Пушкину. Но взгляд Писарева на Пушкина возник и на основе предшествующей традиции понимания Пушкина демократической критикой. По остроумному замечанию А.А. Блока: «Во второй половине XIX века то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку»²³. Таким образом в ближайшие десятилетия, последовавшие за гибелью Пушкина, проявляется тенденция постепенного умаления значения его творчества; вторая половина XIX века оказалась во многом глуха к нему. Приведу характерный пример. В романе А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889) один из персонажей в ответ на просьбу молодого человека дать ему сочинения Пушкина, саркастически говорит ему: «Ну, батенька, вот уж охота! Пушкина уже давно в хлам сдали... Эти камер-юнкеры, эстетика, шаркуны в наше время презираются». Конечно, это не точка зрения автора, но писатель верно уловил тенденции восприятия Пушкина в воссоздаваемое им время (события романа происходят в 1870-е годы). Откликаясь в 1873 году на второе издание книги Анненкова (под заглавием «А.С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений»), рецензент редактировавшегося Ф.М. Достоевским журнала «Гражданин» отмечал «общее равнодушие к Пушкину». Вместе с тем автор статьи (ее приписали было Достоевскому, но выяснилось, что она принадлежит известному критику Н.Н. Страхову) выражает надежду, что отношение к Пушкину должно со временем измениться: «Мы думаем <...>, что значение Пушкина будет долго возрастать, что это светило вечное, а не временное», но тут же оговаривается, что такие мысли «для многих покажутся и непонятными и неверными. Понимание Пушкина находится в великом упадке в наше время».

И тем не менее время работало на Пушкина. Во-первых, поэт никогда не переставал

быть объектом внимания читателей и особенно русских писателей, остро ощущавших свою связь с пушкинской традицией, во-вторых же, несмотря на казалось бы неблагоприятные обстоятельства, и в обществе постепенно вызревало понимание подлинного значения Пушкина. Все это проявилось в особенности в 1880, 1887 и 1899 годах. Первым симптомом неувядающего интереса к Пушкину оказались торжества по поводу открытия памятника поэту в Москве в 1880 году²⁴. В преддверии этого знаменательного события Достоевский прямо говорил о «восстановлении значения Пушкина по всей России» как о главной задаче предстоявших торжеств. И такую роль они, действительно сыграли. Один из их участников, И.С. Аксаков, назвал пушкинские торжества 1880 года «великим фактом в истории нашего самосознания». В их центре оказались речи писателей: И.С. Тургенева, А.Н. Островского и особенно Ф.М. Достоевского, его речь стала главным событием московских торжеств 1880 года. Правда, Б.В. Томашевский, характеризуя «блестящую речь Достоевского о Пушкине», заметил: «Речь эта характерна для Достоевского — и идет вся мимо Пушкина»²⁵. Но это далеко не так. При всей спорности некоторых трактовок Достоевского, в его пушкинской речи содержится немало существенных суждений и точных наблюдений над произведениями Пушкина («Цыганы», «Евгений Онегин» и др.). Особенно это относится к оценке писателем того, что он определил как «всемирную отзывчивость» Пушкина²⁶: «Пушкин лишь один из всех поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность»²⁷. Это свойство гения Пушкина Достоевский связывает с тем, что в нем «выразилась наиболее его национальная русская сила, именно народность его поэзии...»²⁸. «Пушкин, — сказал, завершая свою речь, Достоевский, — умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»²⁹.

Огромное впечатление, которое произвел на слушателей Достоевский, объясняется не только содержанием его речи, но и особой эмоциональностью ее произнесения, глубоким воздействием личности писателя, выразившего в своей речи задушевнейшие мысли и переживания. Речь Достоевского, действительно, сильна ее связью с особенностями мировоззрения писателя, глубоким выражением его *credo*. Пушкинскую речь Достоевского не-

редко воспринимают как своеобразное заветование великого русского писателя (она была произнесена за несколько месяцев до его кончины)³⁰, и это, естественно, повышает ее значение. Но и как *слово о Пушкине* речь Достоевского является важной вехой в истории русского национального самосознания. Именно к ней, как и вообще к пушкинским торжествам 1880 года восходит то новое осознание всеобъемлющего значения Пушкина, которое навсегда закрепится в русской культуре.

Рядом с речью Достоевского значительно бледнеет речь Тургенева, также, однако, сохраняющая важное значение для нового осмысления исторической роли Пушкина. Высоко оценив его как великого национального поэта, Тургенев тем не менее остерегся признать его всемирное значение: «название национально-всемирного поэта, — осторожно говорил писатель, мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаем его отнять у него»³¹. Эта половинчатая формулировка заметно уступает уверенным утверждениям Достоевского о «всемирности и всечеловечности его <Пушкина> гения»³².

Следующей вехой в утверждении значения Пушкина оказался 1887 год, когда исполнилось пятьдесят лет со дня смерти поэта. Эта годовщина, совпала с утратой наследниками Пушкина авторского права на его произведения (обычно оно ограничивалось 25 годами, но для Пушкина было сделано исключение и срок этот был удвоен). Книгоиздатели широко воспользовались правом беспрепятственного издания сочинений Пушкина, тут же, в 1887 году появляется целый ряд новых изданий их от собраний сочинений разного уровня и до дешевых книжек, рассчитанных на многочисленных малообеспеченных и нетребовательных покупателей. По подсчетам американского исследователя М. Левитта, если до 1887 года после смерти Пушкина было выпущено примерно 50-60 тыс. экземпляров сочинений поэта, то только в 1887 году их было издано общим тиражом около 2,5 миллионов экземпляров (148 названий)³³. Благодарные читатели буквально набросились на них; очевидцы свидетельствуют, что в первый же день после истечения срока авторских прав покупатели едва не разгромили книжный магазин газеты «Новое время».

Наконец, в 1899 году был торжественно отмечен первый большой юбилей Пушкина — столетие со дня его рождения. В 1890-е

годы, по словам М. Левитта, Пушкин «быстро становился официально признанным национальным атрибутом»³⁴, и это заставило правительство стимулировать пушкинский юбилей 1899 года, который, в отличие от чисто общественного пафоса пушкинских торжеств 1880 года, принял характер преимущественно официального торжества. Поэтому он значительно менее интересен, хотя, конечно, и в это время было сказано немало существенного. Это позволило даже современному пушкинисту И.З. Сурат назвать пушкинский юбилей 1899 года «пожалуй, <...> самым содержательным в истории пушкинских круглых дат», но как общий вывод подобное утверждение очень спорно. Правда, очень существенными оказались последствия юбилея 1899 года в научном отношении. Было предпринято первое академическое издание сочинений Пушкина: с 1899 по 1916 годы вышло четыре первых его тома (до стихотворных произведений 1827 года), а также т. 11 («История Пугачевского бунта»), позднее вышел еще т. 9 (критическая проза Пушкина) и на этом издание было прекращено. Для руководства академическим изданием в Академии наук была организована Пушкинская комиссия; с 1903 года как ее печатный орган стала выходить серия пушкиноведческих сборников «Пушкин и его современники» (ПиС). Наконец, в 1905 году была реализована возникшая в ходе юбилея идея создания вместо задуманного было нового памятника Пушкину в Петербурге научного учреждения его имени для хранения и исследования материалов по Пушкину и вообще русской литературе; так возник Пушкинский Дом Академии наук, и поныне существующий как Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (ИРЛИ РАН).

На рубеже XIX и XX веков понимание Пушкина вступает в новую фазу, и это придает стимул углублению научного изучения его жизни и творчества. Связано это с изменением литературной ситуации: после длительного преобладания прозы в русской литературе на первый план снова выходит поэзия. Утверждается так называемый «серебряный век» русской поэзии. Само это определение возникает, правда, позднее, в начале 1920-х годов; оно предполагает соотнесение с «золотым веком» под которым разумеется поэзия пушкинской эпохи и поэтическое творчество Пушкина прежде всего. Поэты «серебряного века» с повышенным вниманием обращаются к Пушки-

ну и его эпохе. В литературном сознании этого времени как бы падает временная дистанция, появляется острое ощущение сопричастности Пушкина современности, его незримого присутствия в ней. Очень удачно это чувство выразила Анна Ахматова в стихотворении 1911 года:

Смутный отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни³⁵.

Не случайно в это время возникает и понятие «мой Пушкин», предполагающее особо доверительные отношения поэтов «серебряного века» со своим великим предшественником. (Под таким заглавием посмертно в 1929 году был опубликован сборник статей В.Я. Брюсова о Пушкине — заглавие это восходило к замыслу автора еще 1911 года; позднее также озаглавит свой очерк 1937 года Марина Цветаева). Ряд поэтов «серебряного века» обращаются к изучению Пушкина, тем более, что некоторые из них (А. Блок, В. Брюсов, В. Иванов и др.) получили высшее гуманитарное образование и были подготовлены к научной работе в области пушкиноведения (особенно значительный вклад в него внес В. Брюсов). Позднее в изучение Пушкина вовлекутся и такие поэты, как А. Ахматова, В. Ходасевич, М. Цветаева.³⁶ Внимание поэтов-пушкинистов, естественно, привлекали проблемы поэтики, и это сказалось в развитии пушкиноведения этих лет вообще.

В пушкиноведении рубежа веков, и особенно в начале XX века формируется новый подход к изучению Пушкина. В это время практически заново возникает пушкиноведение как специальная научная дисциплина со своими пока еще немногочисленными кадрами. Как писал один из зачинателей этого нового движения Б.Л. Модзалевский: «пушкиноведение из области просвещенного любительства или более или менее случайного знания переходит на степень пристального исследовательского труда». Однако, самоопределившись как самостоятельная научная дисциплина, пушкиноведение и на рубеже

XIX — XX веков не сразу находит принципиально новый путь. По-прежнему сильна еще инерция преимущественно биографического изучения Пушкина, хотя и здесь были достигнуты впечатляющие результаты. Говоря об этом периоде развития пушкиноведения следует назвать по крайней мере три имени ученых, сыгравших важнейшую роль в изучении Пушкина главным образом в первые десятилетия XX века: С.А. Венгеров (1855 – 1920), Б.Л. Модзалевский (1874 – 1928) и П.Е. Щеголев (1877 – 1931).

С.А. Венгеров не был крупным ученым-исследователем, и в этом отношении его вклад в пушкиноведение был невелик. Но он принадлежал к тому типу ученых, которых позднее стали называть «организаторами науки», и в этом отношении его значение в пушкиноведении начала XX века трудно переоценить. Во-первых, он был инициатором одного из наиболее значительных изданий сочинений Пушкина. В издававшейся им серии «Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова» вышли шесть томов собрания сочинений Пушкина (СПб. / Пг.: Брокгауз — Ефрон, 1907 – 1915), к сожалению, как и многое предпринятое этим ученым, оставшееся незавершенным. Венгеровское издание сочинений Пушкина было задумано как своего рода энциклопедия по изучению поэта («Издание в такой же степени стремится быть собранием сочинений Пушкина, как и исследованием его жизни и творчества. <...> Мы хотели бы сделать из будущего издания своего рода Пушкинскую энциклопедию, где должно найти место все, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта», — отмечалось в предисловии к первому тому). Этой цели должны были служить подробные комментарии (к сожалению, в последних томах они были сильно сокращены, а проза Пушкина вообще осталась не прокомментированной из-за невыхода заключительного седьмого тома), а также многочисленные статьи, посвященные вопросам биографии и творчества Пушкина, в том числе и характеристике важнейших его произведений. И комментаторами и авторами статей выступили почти все наличные научные силы (М.О. Гершензон, Н.О. Лернер, Б.Л. Модзалевский, П.О. Морозов, П.Е. Щеголев и др.); кроме того, к комментированию и написанию статей для своего издания Венгеров привлек и писателей (Блока — им составлены комментарии к лицейским стихотворениям, — Брюсо-

ва, Вяч. Иванова и др.). Венгеровское издание Пушкина было также щедро иллюстрировано произведениями лучших русских художников. Правда, при всех несомненных достоинствах издания оно имело и немало недостатков (не всегда надежный текст, излишняя пестрота и несостыкованность некоторых статей и комментариев и т.д.). Б.В. Томашевский справедливо критиковал «общий беспорядок, недостроенность, непропорциональность и случайность всего комментария» Венгеровского издания сочинений Пушкина³⁷. И все же оно во многом сохраняет свое значение, и по сей день пушкинисты нередко обращаются к его материалам.

Во-вторых, еще важнее, чем издание сочинений Пушкина, предпринятое Венгеровым, была организация им Пушкинского семинария в Петербургском университете и в других высших учебных заведениях, где он профессорствовал. Венгеровский семинарий сплотил молодые научные силы, создал для них условия для исследовательской работы, в том числе и для публикации ее результатов. Они были обобщены в трех выпусках издания: Пушкинист: Историко-литературный сборник / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб., 1914 – 1918 (последний, правда, в сильно урезанном виде). Как «Пушкинист IV» был помечен «Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова» (1922), составленный учениками покойного ученого. В предисловии к нему отмечалось: «Одно из самых скромных начинаний Сем. Аф. «Пушкинист» вместе с тем был одним из самых его любимых». В сборниках «Пушкинист», помимо статей участников семинария (А.Л. Бема, А.С. Искоза-Долинина, М.О. Лопатто, Ю.Г. Оксмана, Б.М. Энгельгардта и др.), помещалась и «Летопись Пушкинских семинариев», дававшая представление об их повседневной работе, включая списки участников семинариев. Обратившись к этим спискам, можно получить наглядное представление о значительности работы Венгеровских семинариев: в них содержатся имена многих в будущем известных ученых, определивших направление русского литературоведения XX века. Кроме названных выше, это М.К. Азадовский, С.Д. Балухатый, Вас.В. Гиппиус, В.М. Жирмунский, М.К. Клеман, В.Л. Комарович, В.Я. Пропп, Ю.Н. Тынянов и мн. др. В списках встречаются и имена поэтов, в том числе и очень крупных: С.А. Ауслендера, С.М. Городецкого, Н.С. Гумилева, Г.В. Маслова, В.А.

Рождественского, В.В. Хлебникова. Особо следует выделить тех участников Венгеровского семинария, которые стали затем крупными учеными-пушкинистами: С.М. Бонди, М.Л. Гофман, Н.В. Измайлов, Д.П. Якубович... Не будучи формально участником Пушкинского семинария Венгерова близко к нему стоял и Б.В. Томашевский.

Характерной особенностью Венгеровского семинария оказалось направление интересов его молодых участников, расходившееся с научной ориентацией его организатора. Большое внимание они стали уделять проблемам поэтики Пушкина. Это связано с общим направлением развития пушкиноведения начала XX века: падает его изоляция, подрывается преимущественно биографическая направленность изучения Пушкина; пушкиноведение отходит от присущего ему прежде налета дилетантизма, профессионализируется как филологическая дисциплина, тесно связанная с общим направлением развития филологической науки, и в этом немалая заслуга Венгеровского Пушкинского семинария.

В большей мере с предшествующим направлением пушкиноведения соотносится научная деятельность Б.Л. Модзалевского, но и она идет в русле профессионализации пушкиноведения как важнейшей тенденции его развития на рубеже XIX и XX веков. В пушкиноведении начала XX столетия Модзалевский занимает, несомненно, центральное место. И хотя многочисленные работы ученого поражают разнообразием тем, Пушкин и его эпоха всегда оставались главным предметом его занятий. Первая посвященная Пушкину работа Модзалевского появляется в 1898 году, в год завершения им обучения в Петербургском университете, и вскоре же он оказывается вовлечен в мероприятия пушкинского юбилея 1899 года. Модзалевскому поручается подготовка юбилейной выставки в Академии наук, обстоятельный каталог которой стал одной из первых его пушкиноведческих работ. Будучи членом Комиссии по подготовке академического издания сочинений Пушкина, Модзалевский возглавляет ее печатный орган — «Пушкин и его современники» (Пис, 1903 — 1928), продолжая руководить им до самой смерти. В Пис регулярно появлялись и работы его редактора, в том числе и первый его капитальный труд — каталог библиотеки Пушкина (вып. 9 — 10, 1910)³⁸. Но поручению акад. Л.Н. Майкова молодой ученый доставляет библиотеку поэ-

та в Петербург, хлопочет о ее приобретении государством для создаваемого Пушкинского Дома АН, одним из основателей, руководителей которого он также становится. «Пушкинский Дом обязан ему появлением на свет — и Пушкинский Дом останется навсегда памятником его творческой деятельности», — справедливо писал в некрологе покойного ученого (1928) один из ближайших его сотрудников Н.В. Измайлов³⁹. Все это и определяет значение Б.Л. Модзалевского как крупнейшего знатока Пушкина, исследователя и организатора изучения его наследия. Важнейшими трудами его, наглядно представляющими характер исследовательской манеры ученого, оказались и щедро прокомментированные им издания «Дневника» (1923) и писем Пушкина (1926 — 1928)⁴⁰. Именно здесь наиболее полно проявились способности и интересы Модзалевского как ученого-историка и генеалoga, биографа Пушкина и знатока пушкинской эпохи. Показателен уже объем его примечаний. В Дневнике Пушкина (его текст, напечатанный корпусом, занимает 27 страниц) на них отведено свыше 200 страниц убористого петита. Подобное же соотношение и в издании писем Пушкина. Дарование Модзалевского предстает в этих примечаниях во всем своем блеске. «Примечания Б.Л. Модзалевского, — справедливо писал крупнейший пушкинист М.А. Цявловский, — это особый жанр литературоведения». Не случайно его комментарии определяли как своеобразную Пушкинскую энциклопедию: «Комментарий Модзалевского, — пишет современный исследователь В.Н. Баскаков в статье о нем в биографическом словаре «Русские писатели, 1800 — 1917» (т. 4, 1999), — представляет собой уникальную по богатству и точности энциклопедию пушкинской эпохи в ее ист. и биогр. связях, в этом своем качестве являющуюся одним из высших достижений академич. пушкиноведения 1910 — 1920-х гг.». Неожиданная смерть в еще нестаром возрасте помешала Б.Л. Модзалевскому довести начатое им издание писем Пушкина до конца. Третий их том (письма 1831 — 1833 годов) был подготовлен уже сыном покойного ученого Л.Б. Модзалевским⁴¹. Много лет спустя Пушкинским Домом был издан том писем Пушкина 1834 — 1837 годов, завершивший начатое Б.Л. Модзалевским комментированное издание эпистолярного наследия поэта⁴².

Научное наследие Б.Л. Модзалевского сохраняет не только историческое значение. О

его актуальности в наши дни свидетельствуют современные переиздания его трудов. В 1999 году одновременно вышли два издания работ ученого: одно из них, выпущенное издательством «Аграф», воспроизвело посмертно изданный сборник избранных его работ, в другом, составленном заново, помещены наиболее значительные и научно актуальные исследования Модзалевского, включая в свое время изданную отдельной книгой статью «Пушкин под тайным надзором» (3-е изд. 1925)⁴³. Наконец, в недавнее время репринтным способом были переизданы и главные труды Б. Модзалевского: «Библиотека А.С. Пушкина» (1988), Дневник (1997)⁴⁴ и Письма Пушкина (1989–1990). Таким образом, работы умершего много лет тому назад ученого активно востребованы современной наукой, и это лишний раз свидетельствует о неувядаемом значении его трудов, созданных еще в начале прошлого столетия, когда пушкиноведение только подходило к поро своему расцвета.

Его приближению немало способствовала и научная деятельность П.Е. Щеголева, известного историка, исследователя главным образом истории русской общественной мысли. Выступал Щеголев и как литературовед, много внимания уделивший также изучению жизни и творчества Пушкина. Главным вкладом Щеголева в пушкиноведение оказался его классический труд «Дуэль и смерть Пушкина». Впервые опубликованный в 1916 году в составе ПИС (вып. 25–27), он дважды был переиздан при жизни автора (1917, 1928). И это не случайно. Как пишет в предисловии к новому изданию книги Щеголева Я.Л. Левкович, последняя «продолжает быть живым явлением нашей литературы и должна стать доступной для всех, кого интересует биография Пушкина»⁴⁵. И хотя после 3-го издания книги Щеголева исследователям стали доступны многие документы, не учтенные покойным историком, появились и новые труды, существенно корректирующие его концепцию⁴⁶, она продолжает жить полной жизнью и в силу своих научных и литературных достоинств, а также благодаря тому, что автор впервые систематизировал и частично впервые опубликовал материалы, касающиеся истории последней дуэли Пушкина. Все это придает книге Щеголева значение фундаментального труда, без которого и в наше время невозможно постижение драматических обстоятельств гибели

поэта. Не меньшее значение имеют и другие пушкиноведческие труды Щеголева, собранные им под заглавием: «Из жизни и творчества Пушкина» (3-е изд. М.; Л., 1931). Назову, например, серию очерков «Пушкин и Николай I», статьи «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина», «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина» и др.⁴⁷

Говоря о Модзалевском и Щеголеве, а частично и о Венгерове, мы незаметно пересекали границу предреволюционного периода развития пушкинистики, обратимся к ее последующим судьбам. Уже в первые годы после революции имя Пушкина вновь оказалось в центре литературных размышлений, при этом сохраняется возникшее в предреволюционный период ощущение сопричастности поэта современности, хотя проявляется оно по-разному. Писатели, не принявшие революцию или разуверившиеся в ее последствиях, стремились найти в Пушкине точку опоры в резко изменившемся и враждебном им мире. В начале 1921 года произошло внешне, казалось бы, неприметное, но получившее значительный резонанс событие. По случаю очередной не юбилейной 84 годовщины смерти Пушкина в Петрограде в Доме литераторов было проведено памятное собрание, центральным событием которого оказалась речь А.А. Блока «О назначении поэта» (собрание это было затем дважды повторено). Речь Блока была горячо принята слушателями. По своему значению и по впечатлению, которое она произвела, пушкинская речь Блока соизмерима с речью Достоевского на московских торжествах 1880 года, как в известной мере соизмеримы и события, с которыми они связаны. Блок, правда, не упомянул имени Достоевского в своей речи, но, конечно, помнил о его пушкинской речи. Еще и в 1906 году в статье «Педант о поэте» он писал: «Достоевский провещал о Пушкине – и слова его покоятся в душе». Как и в случае Достоевского, речь Блока также оказалась предсмертным его выступлением, как и своеобразным «завещанием» великого поэта XX века. О впечатлении, произведенном речью Блока, проникновенно сказал один из его слушателей поэт В. Ходасевич: «Пока он говорил, чувствовалось, как постепенно рушится стена между ним и залом. В овациях, которыми его провожали, была та просветленная радость, которая всегда сопутствует примирению с любимым человеком». Завершая свою речь, Блок сказал: «Пушкин умер <...> Пушкина убила не

пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура». И далее, процитировав стих Пушкина «На свете счастья нет, но есть покой и воля» (III, 258), поэт продолжал: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл.

Любезные чиновники, которые мешали поэту испытывать гармонией сердца, навсегда сохранили за собой кличку черни <...> Испытание сердец поэзией Пушкина во всем ее объеме уже произведено без них.

Пушкай же остерегутся от худшей клички те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение»⁴⁸.

Слова Блока, разумеется, выражают его собственное мироощущение в условиях нарастающего идеологического давления советских «чиновников» на литературу. По словам американского исследователя М. Левитта, «было ясно, что Блок читает эпитафию революции, себе как поэту и дореволюционной культуре, высшим достижением которой для него был Пушкин»⁴⁹. О восприятии речи Блока слушателями свидетельствует сделанная по свежим следам дневниковая запись К.И. Чуковского: «Блок <...> стал читать о том, что Бенкендорф не душил вдохновения поэта, как душат его теперешние чиновники, что П<у>шк<ин> мог творить, а нам (поэтам) теперь — смерть».

Ключевым словом для Блока оказалось пушкинское словосочетание «тайная свобода» («Любовь и тайная свобода // Внушали сердцу гимн простой...»; см. I, 302). Его же он привел и в последнем своем стихотворении «Пушкинскому Дому», написанном незадолго до произнесенной им речи и возникшем в кругу размышлений, связанных с ее подготовкой:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду
Помоги в немой борьбе

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

На одном из повторных заседаний пушкинского памятного собрания 1921 года с речью «Колеблемый треножник» (тоже пушкинский образ; см. III, 165) выступил и В. Ходасевич. Размышляя о путях восприятия Пушкина, он предвидел неизбежное «охлаждение» к нему: «Исторический разрыв с предыдущей пушкинской эпохой навсегда отодвинет Пушкина в глубину истории. Та близость к Пушкину, в которой выросли мы, уже не повторится никогда». Отсюда, продолжал Ходасевич, — «настоятельная потребность» «отчасти — разобратся в Пушкине, пока не поздно, пока не совсем утрачена связь с его временем, отчасти — страстным желанием еще раз ощутить его близость, потому что мы переживаем последние часы этой близости перед разлукой. И наше желание сделать день смерти Пушкина днем всенародного празднования отчасти, мне думается, подсказано тем же предчувствием: это мы улавливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке».

Ходасевич имеет здесь в виду принятое на собрании 1921 года решение ежегодно отмечать день смерти Пушкина как важнейшую памятную дату русской культуры.

Однако и поэты, принявшие большевистскую революцию, тоже исходили из свойственного эпохе ощущения личной близости к Пушкину. Проявилось это в нескольких стихотворениях 1924 года, приуроченных к 125-летию со дня его рождения

Может
я один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых», —

проникновенно писал в стихотворении «Юбилейное» В.В. Маяковский. Поэт, в недавнем прошлом один из соавторов нашумевшего манифеста футуристов 1912 года, призывавшего «Бросить Пушкина <...> с Парохода современности», признавался теперь в любви к своему великому предшественнику; более того, видит в нем близкое себе явление:

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.

Навели
хрестоматийный глянец.

Вы

по-моему
 при жизни
 — думаю —
 тоже бушевали.
 Африканец! (курсив мой. – Л.С.)

Ср. написанное в том же году стихотворение С.А. Есенина: «Пушкину»:

Блондинистый, почти белесый,
 В легендах ставший как туман,
 О Александр! Ты был повеса,
 Как я сегодня хулиган. (курсив мой. – Л.С.)

Все в том же 1924 году со стихотворением «О Пушкине» выступил и Э.Г. Багрицкий. Оно интересно своей связью с зарождением советского мифа о Пушкине — якобы последовательном политическом вольнодумце, даже революционере, ставшем поэтом прямой жертвой самодержавия («...Наемника безжалостную руку // Наводит на поэта Николай!») Впрочем, такое представление зависело и от состояния изучения дуэли и смерти Пушкина, в частности, в книге П.Е. Щеголева. Правда, наиболее отчетливо концепция будто бы непосредственной вины Николая I в гибели Пушкина предстанет только в 3-м ее издании (1928), кстати, явно повлиявшем позднее на восторженно принявшую ее М. Цветаеву: «Зорче взгляды! Не забывай: // Певцоубийца Царь Николай // Первый» (стихотворение «Поэт и царь» из поэтического цикла начала 1930-х годов «Стихи к Пушкину»).

Возвращаясь к стихотворению Багрицкого 1924 года, отмечу, что и в нем проявляется искренность чувств поэта, острое ощущение личной близости к Пушкину:

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
 Я Пушкина через Урал пронес.
 <.....>
 И сердце колотилось безотчетно,
 И вольный пламень в сердце закипал,
 И в свисте пуль, за песней пулеметной
 Я вдохновенно Пушкина читал!
 <.....>
 ...Цветет весна — и Пушкин отомщенный
 Все так же сладостно вольнолюбив.

Все стихотворение Багрицкого пронизано мыслью о прямой связи Пушкина с революционной современностью; еще более отчетливо проводится она в более раннем его стихотворении «Пушкин» (1923):

Свершается победа трудовая...
 Взгляните: от песчаных берегов
 К ним тень идет, крылаткой колыхая,
 Приветствовать приход большевиков.

Вот так, не больше, не меньше — тень Пушкина, приветствующая «приход большевиков»! Подобная прямолинейная тенденция явно противостояла позиции Блока — Ходасевича, исходивших из мысли о Пушкине как высшем проявлении *уходящей* культуры, неспособной найти достойный отклик в новых поколениях. Но обе эти точки зрения оказались фактом живого литературного восприятия Пушкина, и обе они так или иначе сказались в пушкиноведении 1920-х годов. Впрочем, модернизация Пушкина проявилась в нем относительно меньше, хотя с нею связано свойственное советской науке о Пушкине преувеличенное внимание к политическому вольнолюбию поэта, его «декабризму». Это привело к некоторому перекосу: преимущественное изучение раннего творчества Пушкина надолго отодвинуло исследовательский интерес к его зрелому периоду, что было свойственно трудам даже серьезных ученых. В 1920-е же годы догма о Пушкине-революционере, чуть ли не предтече советской идеологии утверждается неоднократно. В книге В.В. Вересаева «Невыдуманные рассказы» приводится следующий характерный эпизод: мол, один молодой пушкинист читал в середине 1920-х годов доклад, в котором «серьезнейшим образом доказывал, что Пушкин был большевиком чистейшей воды, безо всякого даже уклона. Разнесли мы его жестоко». Но один из слушателей со скрытой иронией поддержавший автора, шутливо заметил: «Я только удивляюсь, что докладчик не привел еще одной, главной цитаты из Пушкина, которая сразу заставит умолкнуть всех возражателей. Вспомните, что сказал Пушкин: «Октябрь уж наступил...»».

Возможно, конечно, что эпизод этот если не вымышлен, то сильно гипертрофирован; он очень походит на анекдот, но он вполне в духе описываемого времени. Например, в одной из своих поздних работ о Пушкине В. Брюсов неисторично утверждал: «Пушкин был революционер, как в юности, так и в зрелую пору жизни и в самые последние ее годы».

Но в литературоведении первых послереволюционных десятилетий существовала и другая тенденция, явно умалявшая значение Пушкина, приписывая ему «сервизм»,

якобы прислужничество режиму Николая I. Как утверждал нарком просвещения А.В. Луначарский, «трагедия приспособленчества <...> накладывала на весь облик и творчество Пушкина очень определенные тени». Эту концепцию подхватили так называемые «вульгарные социологи», нанесшие, особенно в 1930-е годы, большой вред познанию Пушкина. Их концепции представляли собой лобовую попытку применить марксистские догмы к истолкованию литературы; из этого получился конфуз, и идеологические власти, поняв, что опростоволосились, поставив не на ту лошадку, поспешили откеститься от данного направления, припечатав его уничижающим ярлыком «вульгарного социологизма». Приведу в качестве примера «вульгарно-социологической» дефиниции определение Пушкина в статье о нем в «Литературной энциклопедии» 1930-х годов (т. 9): Пушкин, читаем мы здесь, — «обуржуазивающийся дворянин, идущий по прусскому пути»; «Пушкин, отражая тенденции экономики России в период падения хлебных цен, принадлежал к дворянам, стремившимся к формам буржуазного землевладения» и т.д. и т.п. И таким попыткам «классового» истолкования Пушкина несть числа, хотя среди подобных сочинений попадались и более или менее заметные труды, как, например, книга Д.Д. Благого «Социология творчества Пушкина» (1926, 2-е изд. – 1931), первая глава которой, правда, стандартно называлась «Классовое самосознание Пушкина»; вместе с тем в книге было немало и ценных наблюдений, отчасти перекочевавших в позднейшие работы этого видного пушкиниста. Еще в 1920-е годы, развивая нигилизм футуристов, так называемый Пролеткульт, призывал создавать пролетарскую культуру с чистого листа, минуя чуждые традиции, в том числе и Пушкина. Об этом прямо говорил Л.Д. Троцкий. Рабочему классу, утверждал он, «нужно только овладеть еще Пушкиным, впитать его в себя — и уже тем самым преодолеть его».

Но все же не эти завихрения определяли характер изучения Пушкина в 1920 — 1930-е годы. Главным здесь было развитие и приумножение тех традиций, которые определились в пушкиноведении начала XX века; в частности, закрепляется поворот от биографии к творчеству Пушкина, преобладает спокойное академическое его изучение преимущественно вне идеологических «установок» времени. Свою роль в этом сыграло и современное мас-

совое восприятие Пушкина, во многом отталкивавшееся от официальных догм. Как писал в 1949 году писатель-эмигрант Б.К. Зайцев: «Любование Пушкиным <...>, к удивлению, выдержало и революцию. <...> То, что Пушкин победил в той России, которой годами вколачивали противоположное, есть великая наша надежда, победа нашего духа...». Что же касается собственно пушкиноведения первых советских десятилетий, то оно, опираясь на достижения дореволюционной науки о Пушкине и отталкиваясь от них, пришло к самым значительным своим свершениям. На 1920 — 1930-е годы, как отчасти и на последующие десятилетия приходится несомненный расцвет пушкиноведения. Первые послереволюционные десятилетия — это время великих пушкинистов (Б.В. Томашевский, С.М. Бонди, Н.В. Иамайлов, М.А. и Т.Г. Цявловские, Д.П. Якубович и др.). В изучение Пушкина включаются многие крупнейшие ученые, причем не только литературоведы: М.П. Алексеев, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Г.А. Гуковский, В.М. Жирмунский, Ю.Г. Оксман, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум и мн. др. Одному из них — Н.И. Мордовченко — приписывают афоризм: мол, каждый уважающий себя филолог-русист должен хоть раз в жизни «согрешить Пушкиным». В пределах настоящей работы нет возможности подробнее осветить значение и характер деятельности названных ученых: ряд важнейших их работ читатель неоднократно встретит в списке рекомендуемой литературы; некоторые из них будут упомянуты и частично охарактеризованы в ходе дальнейшего изложения.

Центральным событием XX века, во многом определившим направление понимания и изучения Пушкина в названном столетии, оказался пушкинский юбилей 1937 года — столетие со дня гибели поэта, необыкновенно широко отмеченный как в СССР, так и зарубежной Россией. В Советском Союзе его празднование совпало со сменой ориентиров политики с интернационалистских ценностей на национальные. Это привело к тому, что на родине поэта юбилей 1937 года снова в значительной мере превратился в показное официальное мероприятие. Как остроумно заметил современный исследователь Е.Г. Эткинд: «В 1937 году советская власть хотела легализовать себя посредством Пушкина». В ходе юбилея появилось немало казенных речей и статей,

утверждавших официальный культ Пушкина в соответствии с укоренившейся к этому времени советской пушкинской мифологией: великий поэт рассматривался как естественный якобы союзник новой власти, ее предшественник и провозвестник. По словам другого современного исследователя В.М. Марковича, «творчество Пушкина становилось предметом восхищения и гордости лишь постольку, поскольку подразумевалось, что оно было ступенькой, ведущей к «свершениям сегодняшнего дня». В сущности, Пушкину отводилась роль ценного «попутчика» социалистической культуры». Но этой официальной стороной значение пушкинского юбилея 1937 года, пышно отмеченного в СССР, отнюдь не ограничилось. В ходе его обнаружилось и другое — проявление подлинной народной любви к Пушкину. Само внимание к поэту, частота размышлений о нем, нередко весьма справедливых и ценных, вопреки официальной шумихе, имело несомненно большое значение. Томившийся на Соловках выдающийся русский ученый и мыслитель священник П.А. Флоренский в частном письме справедливо заметил: «Можно чувствовать удовлетворение, когда видишь самый факт внимания к Пушкину. Для страны важно не то, что о нем говорят, а то, что вообще говорят; далее Пушкин будет говорить сам за себя и скажет все нужное». Приведу еще слова другого выдающегося русского мыслителя-эмигранта Г.П. Федотова: «Среди тьмы русской жизни, среди казней, предательства, лжи, окутывающей все непроницаемой пеленой, одна мысль сейчас <в 1937 году> утешает, дает надежду: в России читают Пушкина <...>, читают как никогда раньше не читали. Пушкин стал любимым народным поэтом. <...> В этом, может быть, и состоит единственное подлинное достижение революции». А уже в наше время Е.Г. Эткинд справедливо заметил, что «юбилейные торжества 1937 года оказались лучшей проверкой пушкинского искусства на устойчивость. Пушкин из 1937 года выскользнул незапятнанным».

Но юбилей Пушкина в 1937 году был широко отмечен и в русском Зарубежье. «Юбилей Пушкина, — заметил в дневниковой 10 февраля 1937 г. записи крупный ученый-литературовед А.Л. Бем, живший в Праге, — из праздников праздник, — <...> это всем радость, и гордость, и вера...». Активное чествование Пушкина в среде первой послереволюционной русской эмиграции стимулировало и

международный резонанс пушкинского юбилея. Конечно, в ходе юбилейных торжеств в русском Зарубежье тоже были свои перефразы — с противоположным советской пропаганде знаком, — но главной задачей пушкинского юбилея за пределами России, как отмечалось в постановлении созданного в Париже Центрального (или Всемирного) Пушкинского комитета⁵¹, заключалась в том, чтобы объединить русскую эмиграцию вокруг имени Пушкина как безусловного символа русской культуры. Одной из задач этого комитета была координация деятельности многочисленных (более ста) Пушкинских комитетов, созданных во многих странах, где жили русские эмигранты, в том числе и в Латвии. Еще с середины 1920-х годов сначала в Эстонии, а затем повсеместно в русском Зарубежье вплоть до конца 1930-х годов торжественно отмечались Дни русской культуры, по инициативе А.Л. Бема приуроченные ко дню рождения Пушкина.

Центральная мысль пушкинского юбилея в зарубежной России прошла красной нитью во многих выступлениях русских деятелей. «Мы дышим Пушкиным, — говорил в речи на торжественном заседании Богословского института в Париже выдающийся русский религиозный философ о. Сергей Булгаков, — мы носим его в себе, он живет в нас больше, чем сами мы это знаем, подобно тому, как живет в нас наша родина. Пушкин и есть для нас в каком-то смысле родина <...>, и не только поэзия Пушкина, но и сам поэт. Пушкин — чудесное явление России, ее как бы апофеоз, и так именно переживается ныне этот юбилей как праздник России. И этот праздник должен пробуждать в нас искренность в почитании Пушкина, выявлять подлинную к нему любовь»⁵².

Одним из из важнейших мероприятий пушкинского юбилея 1937 года за рубежом оказалась большая Пушкинская выставка («Пушкин и его эпоха») в Париже, организованная крупным культурным деятелем русского Зарубежья балетмейстером С.М. Лифарем⁵³ и вызвавшая большой интерес не только русских ее посетителей. По словам Лифаря, она «оказала исключительно большое влияние на отношения французского общества к русской культуре, русской литературе, она дала ей большое и лучшее представление о ней»⁵⁴.

Чествование Пушкина зарубежной Россией в 1937 году оказалось важной вехой национальной самоидентификации русского рас-

сеяния. По словам Н.А. Струве, оказавшиеся в вынужденной эмиграции русские люди обращались к Пушкину «как к якорю спасения, как залог ее <России> будущего возрождения», и в этом вообще заключалось непреходящее значение пушкинских юбилейных торжеств 1937 года, причем, думается, не только за пределами России. С пушкинским юбилеем 1937 года связаны крупнейшие достижения русского пушкиноведения, в 1930-е годы переживавшего свой «звездный час». Именно научное изучение Пушкина в значительной мере искупило явные просчеты официального юбилея. С.М. Лифарь, из-за рубежа наблюдавший за подготовкой пушкинских торжеств в СССР, справедливо замечал: «...попытки представить Пушкина как апостола и пророка русской социальной революции <...> потерпели полную неудачу, и добросовестность серьезных советских пушкинистов восторжествовала над искажающей подлинный лик Пушкина тенденцией»⁵⁵. Подготовка к юбилею была отмечена появлением нескольких серьезных специальных изданий, предоставивших свои страницы публикации новых материалов и исследований о Пушкине: том 16-18 «Литературного наследства», целиком посвященный Пушкину (1934), как и 1-я книга «Летописей Государственного Литературного музея» (1936), а также серийное издание восстановленной в 1933 году академической Пушкинской комиссии «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии» (1936 – 1941). Во всех этих изданиях были опубликованы многочисленные новые материалы, относящиеся к жизни и творчеству Пушкина, и исследования ученых, многие из которых вошли в пушкиноведческую классику и с тех пор неоднократно переиздаются.

Но главным делом, объединившим усилия ученых, исследователей Пушкина, было, конечно, так называемое «большое академическое издание» сочинений Пушкина (далее – *Акад.*)⁵⁶. Его замысел впервые оформился еще в конце 1920-х годов, а к началу 1930-х годов, ввиду приближавшегося пушкинского юбилея, *Акад.* приобрело значение дела общегосударственного значения. Издание было задумано как полный свод всего, написанного Пушкиным, не исключая и его нетворческих рукописей, значительная часть которых была опубликована в книге: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. изд. и коммент. М.А. Цявловокий, Л.Б. Модза-*

левский, Т.Г. Зенгер <Цявловская>. М.; Л., 1935. Предполагалось также приложить к академическому изданию и альбом всех рисунков Пушкина. Сложнейшей задачей, стоявшей перед участниками *Акад.*, была публикация не только основного, но и вариантного текста произведений Пушкина; для этого надо было заново прочесть все его рукописи и найти наиболее рациональные приемы их чтения, а также представления их в разделе «других редакций и вариантов», что и было успешно осуществлено; новый метод был разработан С.М. Бонди (см. 330, с. 143 – 192). *Акад.* объединило вокруг себя практически все наличные научные силы, его участниками были: М.П. Алексеев, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.В. Гиппиус, Г.А. Гуковский, Н.В. Измайлов, Л.Б. Модзалевский, А.Л. Слонимский, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, М.А. и Т.Г. Цявловские, Б.М. Эйхенбаум, Д.П. Якубович и др.

Участие в *Акад.* оказалось той школой, в которой выковывались и совершенствовались методы не только текстологического, но и историко-литературного исследования Пушкина, независимо от того, что в силу ряда неблагоприятных обстоятельств издание оказалось лишенным научного комментария, вначале задуманного, частично осуществленного; представление об этом дает так называемый «пробный» том (7-й), в котором была подробнейшим образом прокомментирована пушкинская драматургия⁵⁷. Драматическая судьба *Акад.* прослежена в нескольких работах его участников: С.М. Бонди, Н.В. Измайлова и Л.Л. Домгера⁵⁸. (Кроме снятия комментариев не были также изданы том нетворческих рукописей Пушкина и альбом его рисунков). Однако очевидная неполнота и ущербность издания не снижает его реального — и огромного — значения; *Акад.* и до сих пор остается образцом академического издания сочинений писателя-классика. По словам Н.В. Измайлова, оно «выбором и подготовкой текстов, установлением их датировки отразило высочайший уровень советского академического пушкиноведения и на долгие годы осталось и остается эталоном текстологической работы»⁵⁹.

Но дело не только в текстологии: даже при отсутствии комментариев (частично они были написаны или на их основе были подготовлены исследовательские работы их предполагаемых авторов) работа над пушкинским

текстом потребовала мобилизации исследовательских усилий компетентнейшего научного коллектива; поэтому участие в *Акад.* и смогло стать высочайшей пушкиноведческой школой, пройдя которую ученые предельно повысили уровень изучения Пушкина; пушкиноведение становится вершиной литературоведческой мысли 1930-х годов. Работа над *Акад.* была в основном завершена к 1940 – 1941 годам, в послевоенные годы проводилась лишь доводка ранее подготовленных томов. Издание *Акад.* охватывает период между 1937 (тома 1, 4, 6, 7, 8 и 13) и 1949 годами, то есть как раз между двумя большими пушкинскими юбилеями: столетием со дня смерти и стопятидесятилетием со дня рождения поэта. Это обстоятельство сыграло роковую роль; после того, как Сталину было доложено о завершении издания, ни о каком выпуске недостающих томов уже не могло быть и речи.

В результате издание оказалось практически незавершенным, и даже появление в 1959 году Справочного тома, включившего в себя, помимо дополнений и уточнений текста, большой указатель, отчасти принявший на себя функции отсутствующего комментария, не могло спасти сложившуюся ситуацию.

Таким образом, *Акад.* и сопутствовавшие ему исследования подтвердили высокий уровень пушкиноведения в России. И русское Зарубежье в 1937 году не осталось в стороне от исследования Пушкина. В качестве его несомненных достижений можно назвать биографические книги П.Н. Милюкова⁶⁰ и А.В. Тырковой-Вильямс⁶¹, а также блестящие работы русских религиозных философов И.А. Ильина («Пророческое призвание Пушкина»⁶²) Г.П. Федотова («Певец империи и свободы») и С.Л. Франка («Пушкин как политический мыслитель»⁶³).

Пушкинский юбилей 1937 года и его последствия в культуре и науке подвели итоги первого послереволюционного этапа русской пушкинистики; новый ее этап относится уже к послевоенным годам. Важнейшим событием первых послевоенных лет явились подготовка и проведение в 1949 году нового большого пушкинского юбилея. Практически это свелось к повторению характера юбилейных мероприятий 1937 года, однако с гораздо меньшим размахом. На ход юбилейных торжеств и 1949 года неблагоприятное влияние оказала внутривнутриполитическая обстановка в СССР, связанная

с новым усилением идеологического давления (пресловутые постановления ЦК ВКП(б) 1946 – 1948 годов и особенно развязанная с 1949 года кампания против так называемого «космополитизма»⁶⁴). Сказалось это и на возможностях научного изучения Пушкина, успехи которого в то время были значительно менее впечатляющими, чем в конце 1930-х годов. Но все же и здесь были заметные достижения. В 1949 году выходит так называемое «малое академическое издание» Полного собрания сочинений Пушкина под редакцией Б.В. Томашевского, выдержавшее затем еще три издания (1953 – 1958, 1962 – 1965, 1977 – 1979). С 1949 года стали регулярно проводиться Пушкинские конференции⁶⁵, сыгравшие немаловажную роль в консолидации и координации исследований жизни и творчества Пушкина. Сперва они именовались Всесоюзными Пушкинскими конференциями, начиная с XVII (1965) – просто Пушкинскими, а с 1991 года получили статус международных – «Пушкин и мировая культура». Большое значение для интенсификации изучения Пушкина имела и концентрация в конце 1940-х годов всех рукописей поэта в одном месте хранения – Рукописном отделе Пушкинского Дома. Ранее они были распылены по разным архивохранилищам, что создавало дополнительные сложности, особенно при подготовке *Акад.* В 1951 году появляется первый том «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» М.А. Цявловского, доведенный до начала сентября 1826 года (отъезд Пушкина из Михайловского в Москву)⁶⁶. Дальнейшая работа над летописью растянулась на долгие годы и ее результат, к сожалению, так и не был обнародован. Наконец, в 1950-е годы реализуется один из заветных замыслов пушкинистов, занимавший, в частности, участников еще венгерского Пушкинского семинария, – создается Словарь языка Пушкина⁶⁷. В его главную редакцию, наряду с лингвистами В.В. Виноградовым и С.Г. Бархударовым, вошли и пушкинисты-литературоведы Д.Д. Благой и Б.В. Томашевский. И все же, несмотря на эти очевидные успехи, в конце 1940-х – начале 1950-х годов явно недоставало крупных объединяющих всех пушкинистов дел и идей. Некоторое оживление и в научное изучение Пушкина внесла так называемая хрущевская «оттепель»: в 1956 году выходит первый том монографии Б.В. Томашевского (1890 – 1957) «Пушкин», задуманной по крайней мере в четырех томах, три из которых должны были заключать

в себе систематическую характеристику всего творчества Пушкина, в четвертом же предполагалось проследить рецепцию его русской литературной мыслью и литературой. Однако преждевременная кончина великого ученого оборвала его работу буквально на полужизни. В 1961 году посмертно был опубликован второй том его монографии, в котором, наряду с написанным для второго тома текстом, были помещены некоторые статьи Томашевского, касающиеся проблем, получивших бы развернутое изложение в задуманной монографии (поэтому том имел подзаголовок «материалы к монографии»). Несмотря на ее незавершенность, монография Томашевского оказала большое стимулирующее воздействие на развитие последующего пушкиноведения и до сих пор остается одним из авторитетнейших трудов за всю историю науки о Пушкине. В 1990 году к столетию со дня рождения ученого его монография была переиздана, но без сопутствовавших ей в первом издании статей, по большей части вошедших в изданный тогда же сборник его пушкинских работ⁶⁸. С 1956 года регулярно издаются сборники «Пушкин. Исследования и материалы» (ПИМ), заменившие прекращенное в 1941 году издание «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». Сама же академическая Пушкинская комиссия была восстановлена в 1958 году и вскоре же начинается издание ее органа — «Временник Пушкинской комиссии» (1963–2002, 28 вып.). В конце 1950-х годов в Пушкинском Доме создается Сектор (ныне Отдел) пушкиноведения, во главе которого становится Б.В. Томашевский, а после его смерти — академик М.П. Алексеев. Всё это, как и продолжавшиеся Пушкинские конференции, способствовало консолидации научных сил в области пушкиноведения. Для стимулирования дальнейшего изучения Пушкина важную роль сыграло подведение итогов и определение обозримых задач пушкиноведения в большой коллективной монографии «Пушкин. Итоги и проблемы изучения», появление которой можно считать точкой отсчета современного этапа науки о Пушкине, если только сейчас мы не находимся в начале новейшего ее периода.

О современном этапе изучения Пушкина скажу очень суммарно — сделано и делается достаточно много и трудно все даже вкратце обозреть. Конечно, кадровый состав современного пушкиноведения, за малыми исключениями (покойные Ю.М. Лотман и В.Э. Вацууро),

не может сравниться с великими пушкинистами прошлого, и все же можно назвать немало имен крупных ученых, внесших в последние десятилетия значительный вклад в современную науку о Пушкине. Это Л.И. Вольперт, покойные В.А. Грехнев и Я.Л. Левкович, В.С. Непомнящий, С.А. Фомичев, Ю.Н. Чумаков, и др., чья деятельность преимущественно связана с пушкиноведением. Из более молодых пушкинистов назову М.Н. Виролайнен, Н.И. Михайлову, О.С. Муравьеву, О.А. Проскурина, И.З. Сурат, покойного Е.С. Хаева, Э.И. Художину. Как всегда в изучение Пушкина вносят немалый вклад и ученые, занятые преимущественно другими научными проблемами: это, например, В.С. Баевский, С.Г. Бочаров, покойная Л.Я. Гинзбург, Б.М. Гаспаров, М.Л. Гаспаров, В.А. Кошелев, Г.В. Краснов, покойные Е.А. Маймин, Г.П. Макогоненко, В.В. Пугачев, Н.Я. Эйдельман. Все эти перечни можно было бы еще многократно умножить, особенно последний, ибо прикосновение к пушкинской проблематике всегда было и остается привлекательным и почетным для любого литературоведа и представителей смежных научных дисциплин делом. Свой вклад в изучение Пушкина вносят и пушкинисты-любители, хотя зачастую их дилетантские публикации не выдерживают научной критики. Но есть здесь и счастливые исключения, как, например, вышедший в 1975 году биографический словарь ленинградского инженера Л.А. Черейского, еще с 1930-х годов увлеченно собиравшего сведения о знакомых Пушкина: «Пушкин и его окружение» — ценнейший справочник, к которому постоянно обращаются исследователи⁶⁹. Назову еще исследования ученого-биолога, реэмигранта из тогдашней Чехословакии Н.А. Раевского, обратившегося к разработке хранившегося там чрезвычайно ценного архива близкой знакомой Пушкина, внучки М.И. Кутузова, Д.Ф. Фикельмон. Результатом его изучений явились книги «Если заговорят портреты» (Алма-Ата, 1965) и «Портреты заговорили» (2-е изд. Алма-Ата, 1976). Будучи популярными работами, они тем не менее и поныне остаются в поле зрения и профессиональных пушкинистов.

Очень необходим приток в современное пушкиноведение новых сил, тем более, что время выдвигает перед нами новые большие задачи, среди которых первое место занимает издание нового Полного собрания сочинений Пушкина (первый том — 1999) — важный сти-

мул для роста кадрового потенциала науки о Пушкине. Недаром Д.С. Лихачев говорил, что создание нового академического издания Пушкина — это «основная национальная задача Пушкинского Дома». Подготовка этого издания естественно актуализовала текстологические проблемы: необходимо проверить и перепроверить чтение всех пушкинских текстов и уточнить, где это нужно, основной текст произведений поэта. И главное — новое издание должно разрешить задачу, насильственно снятую при подготовке *Акад.*: создать полноценный научный комментарий ко всем произведениям Пушкина, и эта задача, как показывает первый том нового академического издания, решается вполне успешно.

Вообще изучение Пушкина в наше время разворачивается очень широко, тем более, что в постсоветской России созданы условия для преодоления идеологических догм, сковывавших развитие пушкиноведения в советский период. Не случайно поэтому современные ученые обратились к исследованию ранее табуированных тем, в частности, важной проблемы «Пушкин и христианство». Правда, здесь порой наблюдается некоторый перекосяк. Как остроумно заметил крупнейший современный филолог М.Л. Гаспаров, раньше мы чтим Пушкина за оду «Вольность», теперь — за религиозное стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...». Сама по себе проблема эта и важна и актуальна, но решать ее надо, не впадая в крайности и не приписывая Пушкину несвойственные ему черты чуть ли не религиозного мыслителя, как это иногда случается в некоторых современных работах. Примером непредвзятого и взвешенного подхода к теме является, к сожалению, охватывающая лишь ранний период жизни и творчества Пушкина исследование покойного академика А.М. Панченко «Ранний Пушкин и русское Православие»⁷⁰. Пушкиноведение стоит сейчас перед необходимостью пересмотра и преодоления некоторых издержек советского литературоведения, вызванных идеологическим нажимом на него. Такова, например, проблема общественной позиции позднего Пушкина и много других, включая частные вопросы интерпретации отдельных произведений поэта (с этим нам еще придется встретиться в дальнейшем изложении).

Важным стимулом для развития пушкиноведения на современном этапе оказался, как обычно, и большой пушкинский юбилей

1999 года — двухсотлетие со дня рождения Пушкина. К сожалению, в его проведении снова было немало казенщины и вообще прошел он довольно невыразительно. По справедливому суждению И.З. Сураг, «реальной духовной связи» с Пушкиным «и вообще какой бы то ни было содержательности не наблюдалось в процессе нынешнего юбилея». Пушкинский юбилей 1999 года, продолжает она, «отразил общенациональный комплекс неполноценности. Мы переживаем такой период в русской истории, когда у многих, если не у подавляющего большинства мыслящих людей в России, нарастает ощущение, что великая Россия уходит в небытие <...> Россия теряет вектор развития и отрывается от своего славного прошлого, одним из символов которого является великая русская культура и ее центральная фигура — Пушкин».

Однако в плане научного изучения Пушкина юбилей 1999 года имел большое значение и именно в силу важности тех задач, которые стоят сегодня перед пушкиноведением. Еще в преддверии пушкинского юбилея Ю.М. Лотман заметил: «двухсотлетний юбилей Пушкина совпадает с «тектоническим» периодом, периодом пересмотров и поисков». «Новый уровень науки, — продолжал он, — требует новых исследований по всем почти вопросам — от структурного анализа отдельных текстов до отношения Пушкина к ведущим этапам мировой цивилизации»⁷¹. Ю.М. Лотман, к сожалению, не дожил до 1999 года, когда он мог бы убедиться, что некоторые из его предвидений начинают сбываться. В ходе подготовки юбилея и непосредственно в юбилейном году прошло множество пушкинских конференций не только в России, но и за ее пределами. Появилось и немало пушкинских изданий, некоторые из них имеют фундаментальное значение для дальнейшего развития науки о Пушкине: это и полная «Летопись жизни и творчества Ал. Пушкина»⁷², и первый том «Онегинской энциклопедии»⁷³ и уже упомянутый первый том нового академического издания сочинений поэта. Наконец, это факсимильное издание всех рабочих тетрадей Пушкина⁷⁴, выполненное на столь высоком полиграфическом уровне, что может даже заменить собой подлинные рукописи, когда доступ к оригиналам исследователю затруднен. Еще в 1999 году Пушкинская комиссия РАН возобновила издание сборников «Пушкин и его

современники». Словом, будем оптимистами. Изучение Пушкина продолжается, и оно будет продолжено и впредь новыми поколениями пушкинистов XXI и последующих веков.

До сих пор речь шла главным образом о русской пушкинистике, и это потому, что именно Россия является естественным центром понимания и изучения наследия ее национального гения. Однако в последние десятилетия (как, впрочем, и раньше тоже) пушкиноведение приобретает все более международный характер. В разных странах изучение Пушкина становится все более интенсивным, и не только в Европе и Северной Америке, но и в таких странах, как Япония и Южная Корея, где сложились заметные пушкиноведческие центры. Можно назвать ряд крупных имен ученых, внесших заметный вклад в современное изучение Пушкина. Это прежде всего старейшина американского пушкиноведения Дж.Т. Шоу; помимо ряда специальных исследований, им составлены ценнейшие справочники: словарь пушкинских рифм и конкорданция поэзии Пушкина⁷⁵ (конкорданция, или симфония – перечень всех употребленных писателем слов во всех их формах с приведением всех контекстов с данным словом). Под редакцией Шоу изданы и письма Пушкина в переводе на английский язык и т.д. Наряду с названным ученым можно упомянуть и других заметных американских пушкинистов: У. Викери, П. Дебрецени⁷⁶, У.М. Тодда⁷⁷, Л. Штильмана⁷⁸, С.С. Давыдова⁷⁹ и др. В Англии это Дж. Бейли⁸⁰ и Э. Бриггс, во Франции – А. Менье и А. Труайя, в Германии – покойный Г. Рааб, К. Хильшер⁸¹, А. Эббингхаус, К. Штедтке, В. Шмид⁸² в Канаде – Д. Клейтон⁸³, в Израиле – С.М. Шварцбанд⁸⁴ и мн. др. Современное западное пушкиноведение возникло не на пустом месте, но имеет глубокие корни. В его становлении немалую роль сыграли и продолжают играть выходцы из России: Р.О. Якобсон⁸⁵, В.В. Набоков⁸⁶, Е.Г. Эткинд⁸⁷, М.Г. Альтшуллер⁸⁸, А.А. Долинин и др. Обращение западных исследователей к Пушкину важно как своего рода взгляд со стороны, в частности, для изучения наследия поэта в контексте мировой культуры (монография Дж. Бейли, комментарий к «Евгению Онегину» В. Набокова и др.). И вообще, чем шире круг исследователей Пушкина, тем более значительны результаты изучения его великого наследия. Завершая краткий обзор зарубежного вклада в изучение Пушкина,

замечу еще, что в США, например, успешно работает Международное общество пушкинистов, издается пушкиноведческий журнал; наконец, недавно в Нью-Йорке открыт первый на Западе музей Пушкина. И такие примеры можно было бы умножить.

В заключение остановлюсь на некоторых, на мой взгляд, наиболее актуальных проблемах современного изучения Пушкина.

1. Необходимо всестороннее изучение художественной эволюции Пушкина, и в связи с этим точное установление взаимосвязи жанров и форм пушкинского творчества (как и отдельных произведений поэта) в *едином движении*, а также исследование эстетической позиции Пушкина в ее эволюции (в связи с развитием творчества).

2. В непосредственной связи с первой задачей необходимо и изучение отдельных жанров и форм, как и отдельных произведений Пушкина в системе его творчества. Для этого важно выработать представление о творчестве Пушкина как *целостной системе*.

3. Определение места Пушкина в русском и мировом литературном процессе как в сравнительно-историческом, так и в историко-функциональном аспектах (эволюция представлений о нем в обществе⁸⁹),

4. Решение ряда текстологических проблем, особо актуализировавшихся в связи с осуществлением нового академического издания сочинений Пушкина⁹⁰, а также разработка методики комментирования его произведений.

Таковы только самые основные, так сказать, «глобальные» задачи современного пушкиноведения; существует множество частных проблем, которые более или менее успешно ставятся и решаются русскими и зарубежными пушкинистами. Немало нерешенных проблем имеется еще и в стиховедческом аспекте изучения пушкинского наследия. Помимо собственно литературоведческих задач, есть и другие, к которым обращено (или недостаточно обращено) внимание исследователей, работающих в смежных отраслях науки: таковы, в частности, проблемы языка и стиля Пушкина, которые после классических работ В.В. Виноградова⁹¹ и других ученых, к сожалению, привлекают мало внимания современных лингвистов⁹², а также определение места Пушкина в истории русской общественной мысли (здесь

очень необходима помощь историков и филологов) и т.д.

Словом, задачи, которые стоят перед современным пушкиноведением, многочисленны и разнообразны, поэтому чрезвычайно важно пополнение его новыми поколениями исследователей. К сожалению, не только в обывательской, но порой и в филологической среде бытует предрассудок, будто Пушкин, мол, давно и всесторонне изучен и ничего нового в области пушкиноведения осуществить якобы уже невозможно. Это совсем не так, и первое же обращение к пушкинской проблематике убеждает в противном: о Пушкине не только можно, но и должно сказать много нового (напомню приведенное в начале суждение Белинского о неисчерпаемости пушкинского гения). Надеюсь, что убедиться в этом поможет знакомство с проблематикой изучения творчества Пушкина в последующих разделах моей работы. Перед современными исследователями стоит непочатый круг проблем, решение которых обещает значительное обогащение знаний о Пушкине. Поэтому, обращаясь к молодым моим читателям, я настойчиво призываю их, не боясь очевидных трудностей, приступить к самостоятельному изучению Пушкина и, уверен, их ждут на этом пути немалые удачи и даже открытия.

Примечания

¹ См., напр.: *Слинина Э.В.* Лирика А.С. Пушкина 1820–1830-х гг. Проблемы становления личности поэта: Учебное пособие по спецкурсу. Псков, 1990; *Худошина Э.И.* Жанр стихотворной повести в творчестве А.С. Пушкина: «Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Медный всадник». Новосибирск, 1987; *Лотман Ю.М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. (ср. отд. изд. – Тарту, 1975); *Чумаков Ю.Н.* «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. Новосибирск, 1983; *Шатин Ю.В.* «Капитанская дочка» А.С. Пушкина в русской исторической беллетристике первой половины XIX века: Учеб. пособие к спецкурсу. Новосибирск, 1987; *Пугачев В.В.* Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина: Учеб. пособие. Горький, 1967 и др.

² Как было уже указано в предисловии к публикации, в настоящем случае все ссылки объединены и даны в виде концевых сносок (прим. публикатора).

³ *Григорьев А.А.* Литературная критика. М., 1967. С. 166.

⁴ *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина / Ред. предисл. и прим. Н.И. Мордовченко. Л. 1937. С. 12.

⁵ Там же. С. 613.

⁶ О содержании понятия см.: *Бочаров С.Г.* Из истории понимания Пушкина // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 227–260. Краткий очерк понимания Пушкина в XIX и XX вв. см. в моей ст.: Два века с Пушкиным // Даугава. 1999. № 3. С. 103–120.

⁷ Наиболее подробным, практически исчерпывающим и обстоятельно прокомментированным изданием прижизненных критических отзывов о Пушкине является новейший сборник «Пушкин в прижизненной критике». Пока вышли два его тома, охватывающие период с 1820 по 1830 г. Последующие отзывы критиков можно найти в издании: Русская критическая литература о произведениях Пушкина: Хронологический сборник критико-библиографических статей / Сост. В.А. Зелинский. М., 1888 – 1899. Ч. 3 – 7, 3-е изд. – М., 1907 – 1910 (первые две части – М., 1887, 3-е изд. – 1903 – 1904 по временному охвату совпадают с материалами новейшего издания). Составитель старого сборника преследовал прикладные, педагогические цели, он не оснащен научным аппаратом, далеко не охватывает всего материала, недостаточно тщательно отредактирован и т.д. Зато сборник Зелинского охватывает период от 1820-х до 1850-х гг., т.е. выходит за пределы прижизненной критики пушкинского творчества.

⁸ См.: *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 43–55. То же: Пушкин в прижизненной критике <Т. 2>: 1828 – 1830. СПб., 2001. С. 73–82.

⁹ См. там же. С. 56–65. То же: Пушкин в прижизненной критике <Т. 2>. С. 211–214 и 105–108.

¹⁰ Там же. С. 59. То же: Пушкин в прижизненной критике <Т. 2>. С. 212.

¹¹ *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 тт. М, 1986. С. 56.

¹² См.: *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. С. 270–273.

¹³ *Достоевский Ф.М.* Полн. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 136.

¹⁴ *Томашевский Б.В.* Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824 – 1837). М.; Л., 1961. С. 446.

¹⁵ *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. СПб., 1855 (репринтное издание и комментарий – М., 1985).

¹⁶ Современное переиздание названных трудов см.: *Бартенев П.И.* О Пушкине: Страницы жизни поэта: Воспоминания современников. М., 1992. С. 55–231.

¹⁷ *Дружинин А.В.* Пушкин и последнее издание его сочинений // Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 52–100.

¹⁸ См.: *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. С. 554.

¹⁹ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 2. С. 475.

²⁰ Там же. С. 473.

²¹ Там же. С. 905.

²² *Писарев Д.И.* Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 415.

²³ *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 167.

²⁴ См. новейшую содержательную книгу американского исследователя: *Левитт М.Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 г. СПб., 1994.

²⁵ *Томашевский Б.В.* Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 65.

²⁶ *Достоевский Ф.М.* Полн. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 146.

²⁷ Там же. С. 145-146.

²⁸ Там же. С. 147.

²⁹ Там же. С. 149.

³⁰ См., напр.: *Волгин И.* Завещание Достоевского // ВЛ. 1980. № 6. С. 154-196. *Викторович В.* «Брошенное семя возрастет»: Еще раз о «завещании» Достоевского // ВЛ. 1991. № 3. С. 142-168.

³¹ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. 15. М.; Л., 1968. С. 75.

³² *Достоевский Ф.М.* Полн. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 148.

³³ См.: *Левитт М.Ч.* Указ. соч. С. 173, 247 (примеч. 23).

³⁴ Там же. С. 176.

³⁵ См.: *Тименчик Р.Д.* Ахматова и Пушкин: Разбор стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям...») // Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 124 – 131. (Уч. зап. / Латв. ун-т. Т. 106).

³⁶ См.: *Ахматова А.А.* О Пушкине: Статьи и заметки. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989; *Цветаева М.И.* Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М., 1981. О пушкинских работах В.Ф. Ходасевича см.: *Сурат И.З.* Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.

³⁷ *Томашевский Б.В.* Пушкин: Работы разных лет. С. 23.

³⁸ Одновременно с появлением «Библиотеки А.С. Пушкина» в составе ПиС книга распространялась и самостоятельно. См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание): Отд. оттиск из изд. ПиС, вып. 9 – 10. СПб., 1910. О библиотеке Пушкина и составленном Модзалевским ее каталоге подробнее см. мою ст.: Библиотека Пушкина и ее описание // *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: Приложение к репринтному изд. М., 1988. С. 57-99. Там же в примеч. и отсылки к литературе вопроса.

³⁹ В частности, Н.В. Измайлов принимал участие в создании вместе с Б. Модзалевским и поны-

не сохраняющего свое значение краткого очерка жизни и творчества Пушкина (см.: Пушкин: Очерк жизни и творчества / Б.Л. Модзалевский, Н.В. Измайлов Л.; М., 1924).

⁴⁰ *Пушкин. Дневник, 1833 – 1835* / Под ред. и объяснительными примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923; *Пушкин. Письма* / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.Л., 1926. Т. I, 1815 – 1825; М.; Л., 1928. Т. 2, 1826 – 1830.

⁴¹ *Пушкин. Письма. М.*, 1935. Т. 3, 1831 – 1833 / Под ред. и с примеч. Л.Б. Модзалевского.

⁴² *Пушкин. Письма последних лет, 1834 – 1837* / Отв. ред. Н.В. Измайлов. Л., 1969.

⁴³ *Модзалевский Б.Л.* 1) Пушкин: Воспоминания; Письма; Дневники. М.: Аграф, 1999; 2) Пушкин и его современники: Избр. тр. (1898 – 1928). СПб., 1999.

⁴⁴ В составе изд.: *Пушкин А.С.* Дневник, 1833 – 1835 / С коммент. Б.Л. Модзалевского, В.Ф. Саводника, М.Н. Сперанского. М., 1997. Два последних – комментаторы параллельной изданию Модзалевского публикации дневника Пушкина (М., 1923). Укажу еще одну современную републикацию работы Модзалевского. В приложении к сборнику «Род и предки Пушкина» (М., 1995. С. 339– 442) перепечатана изданная посмертно (Л., 1932) брошюра (в соавторстве с М.В. Муравьевым) «Пушкины. Родословная роспись», дающая представление о родословии Пушкиных вплоть до 1920-х гг.

⁴⁵ *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987. С. 19.

⁴⁶ См. особ.: *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1836 г.: Предыстория последней дуэли. 2-е изд., доп. Л., 1989. Высокую оценку этой книги дал Ю.М. Лотман в рец. на ее 1-е изд.: О дуэли Пушкина без «тайн» и «загадок»: Исследование, а не расследование // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки 1960 – 1990; «Евгений Онегин» Комментарий. СПб., 1995. С. 375-388 (впервые: Таллин. 1985. № 3. С. 90-99). Статья Лотмана приложена также к позднему переизданию книги Абрамович (СПб., 1995). Краткий обзор важнейших материалов о дуэли и смерти Пушкина, ставших известными, начиная с середины 1950-х гг., см. в моей ст.: Приближение к истине: История гибели Пушкина в публикациях последних десятилетий // Даугава, 1987. № 2. С. 106-111.

⁴⁷ Часть их включена в изд.: *Щеголев П.Е.* Первенцы свободы. М., 1987. С. 166-168, 208-405.

⁴⁸ *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 167.

⁴⁹ См.: *Левитт М.Ч.* Указ. соч. С. 180.

⁵⁰ *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник: Избранное. М. 1991. С. 204, 205).

⁵¹ Деятельность этого Комитета и люди, в него входившие, подробно представлены в двухтомном

сб.: Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935 – 1937). М., 2000.

⁵² Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв. М. 1990. С. 270.

⁵³ Подробнее о парижской Пушкинской выставке см. в ст. С.М. Лифаря в указ. изд. (<Т.> 1. С. 75–98). Ср. в том же изд. (<Т.> 2. С. 467-535) ст. ученого-пушкиниста М.Л. Гофмана «Пушкин и его эпоха. Юбилейная выставка в Париже».

⁵⁴ Там же. <Т.> 2. С. 97-98.

⁵⁵ Там же. <Т.> 2. С. 64-65.

⁵⁶ *Пушкин. Полн. собр. соч.* М.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1949. Т. I – 16 (в 20 кн.) и Справочный том (1959). В 1995 – 1997 гг. изд-во «Воскресенье» осуществило репринтное воспроизведение *Акад.* с добавлением двух дополнительных томов: 17-го (Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; официальные документы. 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Я.Д. Левкович, С.А. Фомичев. М., 1997), в основу которого положено упомянутое ранее изд. 1935 г., и 18-го (Рисунки / Ред. С.А. Фомичев. М., 1996). Таким образом, формально *Акад.* было восполнено недостающими томами; но полное решение этой задачи возможно лишь в составе нового академического издания сочинений Пушкина (об этом применительно к дополнительному 18 т. см.: *Сурат И.З.* О старом академизме и новой русской пушкинистике: [Рец.]: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 18 (дополнительный): Рисунки. М., Воскресенье, 1996. 640 стр. // *НМ.* 1997. № 7. С. 225-229.

⁵⁷ *Пушкин. Полн. собр. соч.* Т.7: Драматические сочинения. М., 1935.

⁵⁸ См.: *Бонди С.М.* Об академическом издании сочинений Пушкина // *ВЛ.* 1963. № 2. С. 123-131; *Измайлов Н.В.* Академическое издание сочинений Пушкина // *ИАН СЛЯ,* 1974, т. 33, № 3, с. 254-266; *Домгер Л.Л.* Советское академическое издание Пушкина. New York City, 1953.

⁵⁹ *Измайлов Н.В.* Академическое издание сочинений Пушкина. С. 266.

⁶⁰ *Миллюков П.Н.* Живой Пушкин (1837 – 1937): Историко-биографический очерк. Ср. современное переиздание (М., 1997).

⁶¹ *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина. Т. 1: 1799 – 1824. М., 1998.

⁶² Речь И.А. Ильина была произнесена 9 февраля 1937 г. в Риге и вскоре там же опубликована отдельной брошюрой.

⁶³ См.: Пушкин в русской философской критике. С. 328-375, 396-422.

⁶⁴ Современному молодому читателю, недостаточно знакомому с перипетиями идеологической кампании 1949 г., поможет обращение к ст.: *Аза-*

довский К.М., Егоров Б.Ф. «Космополиты» // *НЛО.* 1999. № 36. С. 83-135.

⁶⁵ См.: 25 Пушкинских конференций, 1949 – 1978: (Библиографические материалы) / Сост. В.В. Зайцева. Л., 1980.

⁶⁶ Уже в наше время книга была дважды переиздана: *Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина, 1799 – 1826 / Сост. М.А. Цявловский.* 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991, а также в составе нового, четырехтомного изд. полной пушкинской биографической летописи (см.: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т.* М., 1999) – 1-й и частично 2-й т.

⁶⁷ *Словарь языка Пушкина: В 4 т.* М., 1956 – 1961. Позднее был издан дополнительный том: *Новые материалы к словарю А.С. Пушкина.* М., 1982, существенно пополнивший его, в частности, регистрацией слов, употребленных Пушкиным в вариантном тексте.

⁶⁸ *Томашевский Б.В.* Пушкин: Работы разных лет. М., 1990.

⁶⁹ См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. Ответственным редактором обоих изданий книги был крупнейший ученый-пушкинист В.Э. Вацуру. В несколько сокращенном виде словарь Черейского включен в состав книги, претенциозно названной «Пушкинская энциклопедия» (М., 1999), ничего общего с жанром персональных энциклопедий не имеющих: заимствованные из книги Черейского статьи по большей части восполнены портретами упоминаемых лиц.

⁷⁰ *Панченко А.М.* Ранний Пушкин и русское Православие // *Панченко А.М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 340-360.

⁷¹ *Лотман Ю.М.* Пушкин 1999 г.: Каким он будет? // *Таллин.* 1987. № 1. С. 63, 64.

⁷² *Летопись жизни и творчества Пушкина / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова.* Т. 1-4. М., 1999.

⁷³ *Онегинская энциклопедия / Под общей ред. Н.И. Михайловой.* Т. 1-2. М., 1999 – 2004.

⁷⁴ *Пушкин А.С.* Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995-1997. Т. 1-8.

⁷⁵ См.: *Shaw J.T.* 1) *Pushin's Rhimes: A Dictionary.* The University of Wisconsin Press. 1974; 2) *Pushkin: A Concordance to the Poetry.* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1985. Vol. 1-2 (есть и современное российское переиздание конкордации Дж.Т. Шоу – М., 2000).

⁷⁶ См.: *Debrezeny P.* *The Other Pushkin: A Study of Aleksander Pushkin's Prose Fiction.* Stanford, 1983 (рус. перевод: Дебрецени П. Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1995 [Современ. запад. русистика]).

⁷⁷ См.: *Тодд У.М.* «Евгений Онегин»: роман

жизни // Тодд Ш У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина / Пер. с англ. СПб., 1996. С. 110-145.

⁷⁸ См.: Штильман Л. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина: К вопросу перехода от романтизма к реализму // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists 's-Gravenhage, 1958. P. 321-367.

⁷⁹ См.: Давыдов С.С. Реальное и фантастическое в «Пиковой даме» // Revu des etudes slaves. Tome 59. Fasc. 1-2. 263-266 p.

⁸⁰ См.: Bayley J. Pushkin: A comparative commentary. Cambridge University Press, 1971.

⁸¹ См.: Hielscher K. A. S. Puškina Versepik. Autoren-Ich und Erzählstruktur. München, 1966.

⁸² См.: Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996, а также: Шмид В. Проза как поэзия: Статьи о повествовании в русской литературе. СПб., 1994. С. 9-87.

⁸³ См.: Clayton, J. Douglas. Ice and Flame: Aleksandr Pushkin's "Eugene Onegin" Toronto, 1985.

⁸⁴ См.: Шварцбанд С. История «Повестей Белкина», Иерусалим, 1993.

⁸⁵ См.: Якобсон Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р.О. Работы по поэтике М., 1987. С. 145-180; Якобсон Р.О. Заметки на полях лирики Пушкина // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. С. 213-218; Якобсон Р.О. Заметки на полях «Евгения Онегина» // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. С. 219-224; Якобсон Р.О. Раскованный Пушкин // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. С. 235-240.

⁸⁶ См.: Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998.

⁸⁷ См.: Эткин Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999.

⁸⁸ См.: Альтшуллер М.Г. Пушкин и Вальтер Скотт // Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х гг. 1996. С. 206-257 (Современ. запад. русистика).

⁸⁹ В этом плане представляет интерес недавнее издание: Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995.

⁹⁰ Подробнее см. мою ст.: К проблемам пушкинской текстологии: (Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830 – 1836 годов) // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева. Новгород, 1997. С. 11-20, а также: Измайлов Н.В. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // ПИМ. 1979. Т. 9. С. 5-164; Фомичев С.А. О принципах академического издания сочинений А.С. Пушкина // ИАН СЛЯ. 1982. № 3. С. 229-238; Лотман Ю.М. К проблеме нового академического издания Пушкина // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 369-373; Вацууро В.Э. Еще раз об академическом издании Пушкина: Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта // НЛО. 1999. № 37. С. 253-266.

⁹¹ См.: Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка М.; Л., 1935; Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.

⁹² См.: Левин В.Д. Некоторые задачи изучения языка Пушкина // ИАН СЛЯ. 1963. № 6. С. 465-477; Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка СПб., 1999.